

Дмитрий ШПАРО

Неизвестный Пири

Paulsen

2022

УДК 910.4
ББК 26.8д(0)
Ш83

Шпаро, Дмитрий

Ш83 Неизвестный Пири / Д. И. Шпаро. – Москва : Паулсен, 2022. – 784 с.
ISBN 978-5-98797-325-7

Роберт Пири – известный полярный первопроходец, которого в начале XX в. американский конгресс и географические общества многих стран назвали покорителем Северного полюса.

Дмитрий Шпаро, приводя малоизвестные американские документы, разоблачает Пири и утверждает, что его главные победы – рекорд продвижения на север в 1906 г. и достижение Северного полюса в 1909 г. – выдуманы. Пири сознательно приписал себе несуществующие заслуги.

Книга представляет собой, по сути, географическое, психологическое и политическое расследование трагических событий в Арктике, в которых участвовал Пири, готовый на все ради своей славы.

Миф Пири разоблачали и другие авторы. Дмитрий Шпаро называет их и говорит о них с большим уважением, однако сам он принципиально отличается от других критиков Пири тем, что прошел тысячи километров по дрейфующим льдам Северного Ледовитого океана, совершив первый в истории переход к полюсу на лыжах и другие не менее выдающиеся походы.

УДК 910.4
ББК 26.8д(0)

ISBN 978-5-98797-325-7

© Шпаро Д. И., 2022
© ООО «Паулсен», 2022

Предисловие

В истории борьбы за достижение Северного и Южного полюсов Земли ключевым стало первое десятилетие XX века. Именно на эти годы приходятся главные походы на собачьих упряжках к обоим полюсам, увенчавшиеся успехом на рубеже первого и второго десятилетий. Все мы хорошо помним полярное соревнование Руала Амундсена и Роберта Скотта в декабре 1911 года и январе 1912 года, завершившееся триумфом норвежца и трагедией англичанина, погибшего вместе со своими спутниками на обратном пути.

Как ни странно, гораздо меньше мы знаем об истории достижения Северного полюса и драме, разыгравшейся в связи с этим. Я помню свои школьные годы, когда на уроках географии нам рассказывали об американском путешественнике Роберте Пири, ценой больших усилий в апреле 1909 года все же побывавшем в районе Северного полюса и, стало быть, ставшем его первооткрывателем. И мы совсем не были осведомлены о другом американце, Фредерике Куке, который, как теперь известно, дошел на собаках до Северного полюса на год раньше. Оба этих величайших события вызвали в Соединенных Штатах отчаянную борьбу, в которую были втянуты десятки, если не сотни, тысяч людей, включая американский Конгресс, закончившуюся признанием Роберта Пири открывателем Северного полюса со всеми вытекающими отсюда почестями и наградами.

Уже в те годы в США возникла непримиримая борьба сторонников двух путешественников, не прекращающаяся до сих пор. Не знаю, завершится ли она когда-нибудь, но предлагаемая читателю книга Дмитрия Шпаро спокойно и убедительно объясняет и доказывает реальное первенство Фредерика Кука в достижении самой северной точки Земли.

В книге Дмитрия Шпаро перед читателем возникают два ярких и очень разных по устремлениям человека. Роберт Пири – один из первых людей в Арктике, пересекший Гренландию в самом широком месте этого острова, обладающий упорством, волей и организаторским талантом, но в то же время переполненный злостным эгоизмом, стремлением быть первым невзирая ни на что, сметающий со своего пути конкурентов любыми, в том числе недозволёнными, методами. А рядом – доктор медицины Фредерик Кук: «Главное для меня не в самом достижении цели, а в преодолении препятствий на пути к ней».

Автор подчеркивает совершенно разную мотивацию двух путешественников: «Пири даже в мыслях не допускает существование конкурента – Кук хочет выиграть соревнование». И поэтому Фредерик Кук использует весь свой полярный опыт, привлекает ограниченное количество участников в свои экспедиции и упрямо идет к целям – к высочайшей вершине Северной Америки Мак-Кинли и спустя 2 года к Северному полюсу Земли.

Роберт Пири действует иначе: у него большая экспедиция, в которой участвуют многочисленные местные жители, вереницы собак, вспомогательными отрядами командуют в основном белые американцы, хотя последний отрезок пути к Северному полюсу Пири предпочитает преодолеть с чернокожим американцем, своим слугой Мэттью Хенсоном, и четырьмя аборигенами. И все-таки есть много недоверия к успеху Пири, и автор книги убедительно выявляет все сомнительные результаты и предполагаемые подлоги. Д. Шпаро недвусмысленно говорит, что Пири не был на Северном полюсе. Об этом свидетельствуют и несообразная скорость движения всей группы по дрейфующему льду к полюсу и на обратном пути от него, и отсутствие измерений долготы.

Судя по рассказам Пири, в районе полюса он проехал в нескольких направлениях, но не сделал все необходимые географические расчеты, и автор едко замечает: «Что толку считать шаги, если ты не знаешь, куда идешь?»

За спиной Роберта Пири стояла могущественная организация – Национальное географическое общество. Напомню, что это Общество было создано в 80-х годах XIX века для издания известного и сейчас журнала National Geographic. Все подписчики журнала были членами Общества (и я в свое время) и тем самым приносили ему серьезный доход. Общество активно поддерживало Пири и отчасти финансировало его экспедиции.

С точки зрения исторических фактов очень странно выглядит отсутствие прямой связи и поддержки экспедиции Пири Американским

географическим обществом – старейшей научной организацией США в области географии, созданной всего через 7 лет после основания Русского географического общества в 1845 году. Очевидно, Пири сделал ставку на Национальное географическое общество, которое хоть и не щедро, но все же финансировало его полярное предприятие. Вполне понятно, что Пири нужно было признание не столько научной общественности, сколько государственной власти.

Однако нестыковки в полученных результатах, сомнения специалистов в высказываниях Пири о пройденном пути и поддержка многими и многими конкурента Пири доктора Кука, в свете огромного значения достижения Северного полюса, вынудили Конгресс США провести специальные слушания «дела Пири». Эти слушания, в случае их благополучного исхода, могли повысить авторитет всей миссии Пири.

Слушания в Конгрессе – довольно своеобразная процедура, предшествующая обычно принятию какого-либо важного государственного решения или закона. Мне пришлось однажды, в 1987 году, участвовать в таких слушаниях по приглашению Конгресса, обсуждавшего возможность поддержки Соединенными Штатами всемирной геосферно-биосферной программы, тогда уже всю «работавшей» в Советском Союзе.

Дебаты по результатам экспедиции Пири были долгими и кропотливыми, нашлось много недоверчивых конгрессменов и иных деятелей, но заключительное голосование было все же в пользу Пири, что поддержало его славу, дало ему большую пожизненную пенсию и звание контр-адмирала. Правда, награду он получил за «арктические исследования, завершившиеся достижением Северного полюса», слов «открытие» и «первооткрыватель» законодатели избежали.

Недоверие к результатам экспедиции Пири сохранилось вплоть до его ухода из жизни, а в последующие годы усилилось. В книге Дмитрий Шпаро подробно разбирает все нестыковки в записях и наблюдениях Роберта Пири – и делает это профессионально, ведь он сам за 76 дней дошел на лыжах до Северного полюса в 1979 году, преодолев все те сложности пути по дрейфующим льдам, которые могли встретиться Пири.

Безусловно, и этого не отрицает автор настоящей книги, Роберт Пири был упорным и самоотверженным полярным исследователем, но он был тщеславен и эгоистичен, а это не лучшие черты для человека вообще и полярника в особенности. Дмитрий Шпаро ставит под сомнение два главных триумфа Пири – рекордный финиш на пути к полюсу в 1906 году, превышающий победный результат

итальянцев во главе с герцогом Абруцким в 1900 году, и достижение Северного полюса в 1909 году. Не красит американца и недостойное очернение Кука, когда Пири сыграл «роль обвинителя, присяжного, судьи и палача», как выразилась дочь Фредерика Кука. Сам доктор Кук был вынужден назвать Пири «террористом в области географической славы».

Книга не изгоняет Роберта Пири из клуба выдающихся полярных исследователей, но она подчеркивает, что человеческие страсти и борьба за свое первенство, безусловно допустимые, должны носить честный характер. Автор замечает, что только люди, склонные к обману, требуют от других подтверждения их правоты. А именно такое поведение было свойственно Пири еще до начала похода Фредерика Кука к полюсу.

Это вторая книга Дмитрия Шпаро о двух полярных антагонистах. В 2016 году увидела свет его книга «Фредерик Кук на вершине континента. Возвращаем Мак-Кинли великому американцу», и вот теперь готова новая книга о Роберте Пири. Книга настолько подробна и увлекательна, что, безусловно, вызовет большой интерес у читателей всех возрастов, и, я думаю, она будет небезынтересна и для американского читателя, потому что, насколько я понимаю, такого качественного анализа событий, сопровождавших первые достижения Северного полюса, до сих пор не существует даже в США.

*Научный руководитель Института географии РАН,
Почетный президент Русского географического общества
академик В. М. Котляков*

Глава 1

До похода в Гренландию

Рассказывая о первых 30 годах жизни Роберта Пири, мы используем хвалебную книгу Джона Уимса «Пири, исследователь и человек» (1988) и критический разбор Роберта Брайса «Кук и Пири. Полярная controversия завершена» (1997). Оба автора были допущены к семейному архиву Пири, причем Уимс – первый, кому оказали такое доверие. В предисловии к своей книге Уимс сообщает: «Он [Пири] держал дневник и наблюдения... в сейфе – мера предосторожности, которая продолжала действовать и после его кончины. Остальные бумаги были помещены в 62 большие картонные коробки и хранились... в доме Пири... После смерти Пири в 1920 году Исайя Боумен, глава Американского географического общества... предложил и впредь держать дневник и наблюдения Пири в недоступности от публики с тем, чтобы сторонники Кука не могли... воспользоваться ими в своих собственных целях. Документы в 62 картонных ящиках тоже не были представлены на суд общественности».

Получить доступ к драгоценному архиву мог только верный друг Пири и истинный враг Кука. Именно таким и был Уимс. Что касается Брайса, выдающегося архивиста, он, занимая аналогичную разоблачительную позицию по отношению к Куку, при оценке Пири вполне объективен.

Роберт Эдвин Пири родился 6 мая 1856 года в Крессоне, штат Пенсильвания. Его отец, Чарльз Пири, занимался торговлей бочарными досками. Мальчику не исполнилось и 3 лет, когда отец умер от пневмонии, и мать, Мэри Пири, в девичестве Мэри Вайли, вернулась в штат Мэн, где она и Чарльз Пири жили до женитьбы. Мэри Вайли Пири поселилась в Южном Портленде, похоронив супруга на местном кладбище. Имея неплохой доход, она не помышляла о повторном браке, не меняла фамилию Пири и, когда братья ее покойного мужа стали произносить свою фамилию по-новому – Пери

Роберту Пири 4 года

(P-e-r-r-y), воспротивилась этому и сохранила первоначальное произношение, созвучное слову *cheery**.

Мэри называла сына Берти, что ему определенно не нравилось. Она воспитывала его как девочку, обучала рукоделию, заставляла надевать чепчик, чтобы его каштановые волосы не выгорали. Он выглядел маменькиным сынком, однако с обидчиками смело дрался.

Уимс пишет: «Мэри не могла понять, почему Берти был таким вредным, даже когда его никто не трогал. Он разбивал камнями окна, чтобы услышать звук разбившегося стекла, он ставил подножки своему немощному дедушке Вайли и смотрел, как тот падает, он пугал маленьких девочек разными подлыми уловками, произносил ругательства, которые не мог услышать дома, и иногда даже повторял их в присутствии священника»^[1].

Несмотря на протесты по поводу излишней опеки, Берти был очень привязан к матери. Уже будучи взрослым, он постоянно посылал ей письма, в которых откровенно разговаривал с ней, будто

* *Cheery* – бодрый (англ.). Здесь и далее прим. авт.

с самим собой. Уимс приводит дневниковые записи Берта той поры, когда он учился в средней школе Портленда:

«Около 9 часов, когда мама собралась ложиться спать, она неожиданно почувствовала сильную слабость и онемение с левой стороны, так что не могла двигаться. Меня это сильно напугало, но мама легла на мою кровать, и я растирал ей руки и ноги до тех пор, пока она не почувствовала себя лучше...

Я так разволновался в тот вечер, что не мог заснуть почти до полуночи и проснулся вскоре после 4 часов утра. Весь дрожа, я пошел в комнату матери и с облегчением увидел, что ей стало лучше. Затем я оделся и сел у камина, где дремал до 6 часов, когда снова развел огонь и занялся работой по дому^[2].

Хорошо успевая в школе, мальчик находил себе множество других интересных дел. Он набивал чучела птиц и знал о пернатых так много, что даже читал лекции в городском Музее естественной истории. Его увлекала походная жизнь, и в лесах штата Мэн он знал места, где не ступала нога человека. Страдая небольшой шепелявостью, он охотно декламировал; сам сочинял стихи и прозу. В школьном эссе 16-летний Берт написал:

«Исследование природы – это неизменный источник счастья для самого убежденного искателя мудрости. Того, кто учится, природа не отталкивает своей монотонностью, а, наоборот, каждый раз, когда к ней обращаются, показывает новые стороны своего характера. У природы находятся утешение и развлечение для человека, пребывающего в любом настроении, в любом состоянии души. Чем больше мы изучаем природу, тем больше она манит нас проблесками своих скрытых сокровищ и заставляет идти все дальше в исследованиях.

Тут уместна фраза «одни наблюдательны, а другие нет», потому что тот, чьи глаза и уши открыты, увидит и услышит то, о чем другой даже и не подумает. Например, предположим, что однажды прекрасным утром вы прогуливаетесь по полю со своим другом. Вы видите, как жаворонки и рисоеды деловито строят свои гнезда, перед вашими глазами предстают многочисленные семейства насекомых, погруженных в труды и заботы своей короткой жизни. Кругом богатство кипучей восторженной жизни. Ваш друг, который идет рядом, ничего этого не видит и удивляется – чем же вы восхищаетесь. Мне жаль таких людей, поскольку они упускают много жизненных радостей»^[3].

Очевидно, что юноша, сочинивший эти строки, умен и любознателен, чувствуется, что он доволен собой. Уимс приводит и более «взрослые» размышления Берта, написанные в том же возрасте:

«*Без веры в собственные силы никто не может надеяться на большой успех в любом предприятии, потому что, если человек сам в себя не верит, то скоро окружающие его люди тоже перестанут в него верить, хотя он может быть компетентным во всех отношениях*»^[4].

Уимс комментирует: «...сказанные слова кажутся слишком мудрыми для столь молодого человека. Но, с другой стороны, он был обычным мальчиком: его заинтересовала некая девушка, упоминавшаяся в его дневнике под интригующим именем Эм»^[5].

Последний год в школе Берт усиленно занимался и подал заявку на стипендию для обучения в колледже Боуден. Получив подтверждение, он продал коллекцию чучел птиц и купил учебники. Мама настояла, что будет жить вместе с ним, и они сняли комнаты рядом с университетским кампусом. Любопытно, что колледж Боуден в 1825 году закончил великий Лонгфелло. Уимс утверждает, что Лонгфелло был любимым поэтом юного Пири и будущему полярному герою особенно нравилась строка: «Мальчишечьи сны, как ветер, вольны»*.

Один из одноклассников рассказывал о Берте: «Не думаю, что товарищи хорошо его знали. Все, что их связывало, – это вежливое утреннее приветствие при встрече... Казалось, что он был замкнут в себе и часто уходил на длительные прогулки, занимался охотой и рыбной ловлей, а также сбором образцов. Он всегда был крепким и бодрым и смеялся над холодом, от которого мы все страдали. Я никогда не слышал, чтобы он с кем-то особо дружил... хотя вполне возможно, что в научных кругах он мог завести себе друзей»^[6].

Пири выбрал специальность «гражданское строительство». Жизнь юноши была весьма насыщена – вот короткие записи из его дневника и строчки из его письма к Мэри Килби, той самой, которую в школьные годы он называл Эм:

«*Всю прошлую неделю, начиная с понедельника, я работал с 5 часов утра и до 8 часов вечера, что не так уж и плохо*»^[7].

* Из стихотворения Лонгфелло «Моя утраченная юность». Перевод Г. Кружкова.

В течение последних двух недель я тянул за собой команду нашего класса, и вчера мы победили в состязаниях по гребле^[8].

Мне нужно было заниматься тысячей мелких дел и в результате приходилось беспрестанно ездить... Вдруг кто-то в классе вспомнил, что на приближающийся праздник у нас нет куратора... и в результате куратором выбрали меня. Это добавило мне забот...

Во вторник вечером я не ложился спать до 11 часов, а... в пятницу встал в полпятого утра и до завтрака свеживал гагару и скопу^[9].

Осознанное желание быть первым совмещалось в юном Пири с прагматической рациональностью. К примеру, мечтая стать лучшим учеником в классе из 51 человека, он рассудил, что все силы на это тратить не стоит. Чтобы обойти товарища, занимавшего первое место, Берту пришлось бы перераспределить свое время: более основательно засесть за учебники и отказаться от других способов саморазвития. «Хватит мне и второго места», – сказал себе молодой человек, и все 4 года, проведенных в колледже, занимал именно это место.

Теперь две истории на спортивные темы, рассказанные самим Бертом. В первой речь идет о его участии в соревнованиях по метанию бейсбольного мяча:

Против меня выступали 2 самых лучших в школе игрока... и никто из них понятия не имел о том, что я могу что-то сделать. Так уж получилось, что моя очередь бросать мяч была последней. После того как каждый из них выполнил по 3 подхода, а лучший из бросков составил 306 футов, я был почти уверен, что уж последним-то я не буду. Когда я занял позицию для броска, некоторые учащиеся начали надо мной посмеиваться и говорить, что лучше уж и не пытаться, если не сможешь бросить дальше... Я ничего на это не ответил, а просто взял мяч и сделал первую попытку... Ветер подхватил мяч и снес его, в результате он пролетел всего 290 футов. Во второй попытке у меня получилось то же самое, но мяч улетел немного дальше, а вот в третьей попытке я уже полностью использовал ветер, и мяч улетел на все 316 футов... Когда объявили победителя и расстояние, на которое улетел мяч, то я заметил много удивленных взглядов. Я слышал, как один из учащихся говорил обо мне другому: «Не думал, что он сможет сделать такой бросок, до этого он никак не походил на победителя»^[10].

Приятно быть чемпионом, но нельзя быть проигравшим. Об этом вторая история юного Пири. На младшем курсе команда,

в которую он входил, стала чемпионом в соревнованиях по гребле. Через 2 года, понимая, что шансов на новый успех нет, Берт покинул своих и перестал участвовать в гонках, объяснив это так:

«*Время второкурсников 18 минут 56 секунд. Наша команда пришла на 25 секунд позже... Видишь, насколько верной оказалась моя тактика. Если бы я не вышел из игры, мои прежние лавры увяли бы.*

Мысли о себе, но никак не о товарищах. В будущем Берт готов думать о спутниках по полярным путешествиям, но либо с самолюбованием, либо с корыстью...

Ему исполнился 21 год, и он написал Мэри Килби:

«*Единственное, чем я отметил свой день рождения, это мои размышления о том, будет ли на самом деле для меня соревнование с миром труднее, чем соревнование с колледжем. Окажется ли оно для меня непосильным? Буду ли я через десять лет в штате Мэн, в Патагонии, в Швеции или в Австралии или для меня все это к тому времени станет безразличным? Мне кажется почти невозможным мечтать, как это делают некоторые люди, например, фермеры, о том, чтобы всю жизнь провести на одном месте и заниматься тем же делом, каким занимались отцы и деды.*

Сегодня, когда я размышляю об окружающем мире и вся моя жизнь впереди, ничто не кажется мне невозможным. Мне бы хотелось, чтобы, как в книгах, какая-нибудь фея поставила передо мной зеркало и разрешила увидеть в моей жизни все, что я захочу. Но если бы действительно такая возможность была предоставлена, то я закрыл бы глаза и отказался смотреть в зеркало. Сколько людей размышляли и мечтали о загадочном будущем так, как я сейчас, и все же, если бы мне разрешили немного раздвинуть занавес, то я не сделал бы этого из-за страха вместо ожидаемых гладких дорожек увидеть каменистые тропы с разверзнутыми могилами.

После окончания колледжа Берт вместе с мамой переехал в городок Фрайбург, штат Мэн. Работы по специальности для инженера-строителя не было, и Берт первое время с тоской вспоминал свою беспокойную жизнь в колледже:

«*Прошлой ночью я пошел спать... с тоской по дому. Тоскуя по моему колледжу, по моему классу, по всем тем годам, которые уже никогда не повторятся в моей жизни... Я иногда думаю, что у меня нет никаких*

Берт Пири – ученик колледжа Боуден

чувств, ибо я могу покинуть места и людей, в чьей компании я ежедневно находился в течение нескольких лет, без всякого сожаления, даже зная, что я могу больше никогда сюда не вернуться, но затем какое-нибудь незначительное событие возвращает мои мысли назад, и я едва могу вынести боль моего страстного желания увидеть старые сцены и лица снова. Каждый год я нахожу подтверждение моего вывода, что я – импульсивный человек, с быстрой сменой настроения. Я знаю, что могу добиться многого, как умственно, так и физически, и, думаю, во всем могу достигнуть вершин ^[11].

Роберт Брайс подмечает: «Тут выражена его характерная особенность, которая будет сопровождать его на протяжении всей жизни... Он... подвержен резким перепадам настроения... Несмотря на то что он внешне казался самоуверенным, Роберт Пири во многом не верил в собственные силы» ^[12].

Фрайбург выглядел безнадежно скучным и провинциальным. В письме матери молодой Пири отводит душу:

«Этим утром я пошел [в церковь], и в этом не было ничего приятного. Не было ни одного человека в хорошо сидящем костюме,

ни одной подобающей дамской шляпки, ни одного новенького элегантного платья во всей аудитории. Места были без подушек и неудобные, у проповедника были грязные манжеты, и он говорил в нос, а регент* начал петь церковный гимн на такой высокой ноте, что не мог продолжать дальше, и ему пришлось начать все сначала. Другой раз – тоже так высоко, что только 2 человека смогли поддержать его. Я не думаю, что опять пойду туда в ближайшее время. Я предполагаю, что люди здесь будут считать нас ужасной семьей... Что касается ландшафта, то не бывает даже двух дней, когда горы оставались бы одинаковыми.

Природа успокаивала Пири, будто насыщала его:

*Есть стихотворение Уиттьера**, которое, как мне кажется, я никогда не забуду. Оно так органично влилось в меня:*

В течение недель облака прочесывали холмы

И волновали долины дождями,

И все леса были печальны из-за тумана,

И все ручьи жаловались.

Вначале только отдаленное напоминание о нем промелькнуло в моей голове, затем я вспомнил первую строчку, затем, спустя день, до меня дошло, кто написал его. Сразу же я нашел его в томике Уиттьера. Оно настолько точно подходило к окружающей меня природе, что подобного я больше никогда не встречал^[13].

Занятия таксидермией приносили прибыль: чучела птиц бойко шли от полутора долларов до двух с четвертью. Много времени Пири проводил в седле, даже объезжал лошадей. Иногда он навещал в Портленде свою возлюбленную Мэри Килби, с которой был обручен.

Однажды и она приехала к нему. Уимс рассказывает: «Пири снял комнаты для нее в местном отеле и тщательно соблюдал все нормы поведения и морали, которые были весьма многочисленны и весьма строги во Фрайбурге XIX столетия. Он написал ей после ее отъезда в Портленд:

...До сих пор я не слышал ни одного замечания в твой адрес^[14].

* Руководитель церковного хора.

** Джон Гринлиф Уиттьер – американский поэт.

Как и раньше, у Берта существовал план саморазвития или, лучше сказать, самосовершенствования, и молодой человек пунктуально придерживался его. В письме невесте он отмечает свои достижения:

« Я сейчас пытаюсь провести эксперимент. Ты знаешь, я всегда любил это. Я проверяю мою способность сделать себя человеком, приятным в общении. У меня не возникло никаких затруднений с маленькими детьми. Они сразу же воспринимали меня. Больших усилий требовали подростки и молодежь. У некоторых пожилых людей мне не удалось пока разбить корку их некоммуникабельности и старомодности; однако я буду пытаться, так как я хочу стать настолько привлекательной личностью, чтобы нравиться людям, с которыми я буду общаться, хотя бы они этого или нет.

С предприимчивостью и желанием сделать что-то необычное, и сделать это хорошо, Берт взялся за составление карты Фрайбурга. Это был личный и, по-видимому, некоммерческий проект. Парень вышагивал, брал направления, подсчитывал футы и мили, чертил, и когда карта была готова, она неожиданно пригодилась. Берт нашел объявление о вакансии на должность чертежника в Береговой и геодезической службе в Вашингтоне и, отправив резюме, приложил к нему только что изготовленную карту как пример своих возможностей и стараний. Пири приняли на работу с испытательным сроком шесть месяцев, о чем он с характерными подробностями сообщил возлюбленной:

«...Уже 2 года, как я закончил колледж, и с тех пор ничего не сделал, и сейчас как раз время чем-нибудь заняться. Я обнаружил, что Бертон (однокурсник в колледже Боуден. – Д. Ш.) тоже принят на работу... Я рад, что он будет там, и не только потому, что мы будем вместе, но и потому, что у меня появится стимул работать лучше. Я возненавидел бы саму мысль о том, что я должен уйти в конце испытательного срока, а он останется там ^[15].

Уимс рассказывает, что однодолларовую купюру из первой пачки Пири «завернул в бумагу, подписав, что это его “первые заработанные деньги под руководством дяди Сэма”, и с характерной для него сентиментальностью положил купюру среди других памятных вещей»... ^[16]

Как раз в это время Берт услышал о проекте канала между Тихим и Атлантическим океанами на территории Никарагуа. Получив

на работе полдня отпуска, он закупил уйму книг, заказал материалы в Библиотеке Конгресса и погрузился в чтение. Другой новостью стало то, что он расторг долговременную помолвку, о чем и известил маму:

«*Моя помолвка с мисс Килби – уже в прошлом. ...Я сообщаю тебе, хотя, может быть, ты знаешь, как обстоит дело, но если кто-нибудь заговорит с тобой об этом, то мне не хотелось бы, чтобы ты вообще обсуждала эту тему, и если кто-то спросит тебя, то ответь, что ты не хочешь говорить об этом. Теперь остались только я и ты, моя мама, и еще Провидение, которое позволит мне устроить последующие годы твоей жизни достаточно счастливо и хоть немного компенсировать всю ту боль, огорчения и беспокойство, которые я причинил тебе в прошлом. Я очень далек от идеального человека, но я думаю, что все же я немного люблю тебя, хотя до последних нескольких месяцев я не знал, насколько сильно*^[17].

В дневнике Берта появилась запись:

«*Я вступаю в новый год... свободным от помолвки, которая в течение последнего года была кошмаром для меня. Прошлое умерло. Да здравствует будущее!*^[18]

Пири с честью прошел испытательный срок и следующие 1,5 года прилежно работал в Береговой и геодезической службе, всячески улучшая свою жизнь. Он вступил в атлетический клуб, посещал крытый бассейн, учился танцам, ходил в театры, однако его невидимой страстной целью стал проект канала в Центральной Америке.

Он советовался с мамой:

«*Я хочу обстоятельно поговорить с тобой о предмете, о котором я размышляю уже долгое время, – о желании поехать на этот перешеек. Я бы хотел обсудить с тобой все за и против... Сейчас тот момент моей жизни, когда годы еще не обременительны, и я чувствую, что должен сделать что-то, пока время безвозвратно не ускользнуло от меня. Что хорошего принесет мне слава или имя, если они придут, когда я буду старым человеком? Я хочу, чтобы у меня было время, когда я мог бы насладиться ими, и, моя мама, я хочу, чтобы и ты тоже получила от этого удовольствие. Мне 24 года, но что я сделал, что я делаю или что я из себя представляю? Ничего. Пройдет немного времени, и мне будет 30 лет. Если я останусь здесь, то я смогу*

зарабатывать 2000 долларов как чертежник, работая много часов в день, и мое имя будет известно лишь по платежной ведомости департамента. Когда я думаю обо всем этом, то меня охватывает сильнейшее беспокойство и я с трудом могу заставить себя успокоиться. Я ощущаю себя так, как будто мне уже 30 или 40 и что я так ничего и не достиг. Тогда я чувствую лихорадочное желание сделать что-то немедленно. Думаешь ли ты, мама, что все это – неугомонное честолюбие, которое побуждает людей быть впереди своих собратьев, или это просто бесплодное беспокойство, создающее лишь тревогу для своего несчастного обладателя? Думая обо всем этом и размышляя о том, что я смогу сделать, я прихожу к выводу, что продолжительная слава придет ко мне скорее на небольшой полоске земли, в 2 раза меньшей штата Мэн, называемой перешейком, чем где-либо в другом месте.

Многие люди добились известности потому, что видели перед собой что-то определенное и важное в будущем. Они основательно сосредоточивались на выбранной теме и, когда наступал нужный момент, выступали в качестве главного или единственного эксперта...

Есть люди, способные работать как самостоятельные механизмы, и есть люди, которые не могут ничего сделать, пока им это не разрешат, и миру нужны и те, и другие. Если бы разговор шел о хлебе насущном, то ситуация была бы иной, но я сражаюсь не за деньги, а за славу, хотя деньги в качестве дополнительного вознаграждения не вызывают никаких возражений ^[19].

Мама ответила «нет», и покорный сын записал в дневнике:

« Я подчиняюсь ее желанию, хотя это может изменить всю мою жизнь ^[20].

Пири ждал своего счастливого часа, и новый шанс представился в виде должности инженера в военно-морских силах Соединенных Штатов. Взяв отпуск для сдачи экзаменов, не сказав о своих намерениях ни слова никому из друзей и даже маме, ибо никакой уверенности в успехе не было, он принялся готовиться к интеллектуальным тестам, продолжавшимся 10 дней. Изнуренный и убежденный, что провалился, Пири приложил к последнему экзаменационному ответу записку:

« ...если бы я знал, какое направление примут экзамены, то я бы не осмелился участвовать в конкурсе, но так как я начал,

то не в моих принципах отступить, несмотря даже на то, что я видел – надежды завоевать награду нет.

Но у меня есть маленькая личная гордость, и чтобы правление не подумало, будто я абсолютно невежественен, я прикрепил несколько приложений с целью показать, что я что-то могу и привык делать все хорошо и тщательно. Это 3 профиля горы, сделанные с различных точек наблюдения в свободное время, когда я был проездом в этом районе. Каждый профиль включает 120° горизонта...^[21]

Пири приняли, он стал лейтенантом. Ранее он писал маме:

Я не хочу жить и умереть, не совершив чего-то и оставаясь известным только узкому кругу своих друзей. Я хочу приобрести имя, которое будет волшебным сезамом для входа в культурные круги и другие утонченные сферы, имя, которое заставит мою маму гордиться мной и которое заставит меня почувствовать, что я буду равным любому человеку, встретившемуся на моем пути^[22].

И в другом письме:

...Я не знаю, счастье это для меня, или несчастье, или это признак неблагородного устройства души, но я не могу переносить общения с теми, кто, имея тот же возраст и те же возможности, что и я, превосходят меня в чем-либо. Чтобы чувствовать себя комфортно, я должен быть равным или превосходить людей вокруг меня, и не потому, что мне важно показать свое превосходство, нет, мне достаточно самому осознавать это...

Я думал о том... каким я хочу быть в 30 или, самое позднее, в 35 лет.

Высоким, прямым, с широкими плечами и грудью, с сильными, гибкими суставами, ясными глазами, с большими усами, прекрасным цветом лица; метким стрелком, сильным, неутомимым пловцом, первоклассным наездником, опытным боксером и фехтовальщиком; человеком, отлично чувствующим себя в любой компании и все же всегда сосредоточенным на неописуемой красоте дикой природы, свободы лесов и гор, знатоком французского, немецкого и испанского языков, и все это – просто мои личные достижения, а вот в качестве специальности – знания о перешейке, которые превосходили бы знания всех живущих в мире людей...

Теперь можно было и покрасоваться:

«*Сейчас я босс, а не подчиненный. У меня есть своя комната, курьер, секретарь и чертежник. Под моим руководством около сотни человек. Но больше всего времени я посвящаю тому, что ставлю подписи... Так забавно «писать» письма, когда тебе нужно лишь подписывать их. Уникальность моей подписи была отмечена командующим верфью. Больше дел, чем у иного светского льва. Тороплюсь* [23].

Первым назначением Роберта Пири стало место ассистента Анисето Менокала, гражданского инженера ВМС, главного инженера в двух уже состоявшихся экспедициях в Никарагуа – в 1872–1875 годах. Уимс пишет, что «интерес Пири к каналу стал известен Менокалу, и это... было причиной назначения Пири – Менокал попросил о назначении. Между этими двумя людьми возникла взаимная симпатия, продолжавшаяся несколько лет» [24].

Однако в Никарагуа Пири не поехал, получив в начале 1882 года назначение в Ки-Уэст, Флорида, в качестве специалиста, контролирующего строительство военного причала. Лейтенант великолепно проявил себя: был въедлив, самоотвержен и смел. Похоже, он делал многое из того, что другие на его месте делать не стали бы: исследовал качество поставляемых железа и строевого леса; оспаривал мнение водолазов, сам спускался в водолазном костюме на морское дно; вступал в споры с проектировщиками и со строителями. По мнению Пири, используемое оборудование было неподходящим, а строители не были в состоянии довести работу до конца. Лейтенант под свою ответственность приостановил стройку, вызвав ярость проектировщика, подавшего на Пири в суд. Начальство, однако, поддержало именно лейтенанта. Когда причал был возведен, то выяснилось, что из суммы 30 000 долларов, выделенных Конгрессом, Пири удалось сэкономить 10 %.

В конце 1884 года сбылась мечта Пири – поступил приказ о его направлении в Центральную Америку. Менокал предполагал, что существует более короткий маршрут канала, чем тот, который был нарисован на бумаге, и именно Пири предстояло возглавить разведочную партию. Американцев в проекте участвовало четверо: Менокал – главный инженер, руководитель базового лагеря, врач и Пири. Уимс приводит записи из дневника лейтенанта:

«*...все люди, и я тоже, постоянно [в воде] по колено и пояс, и даже по шею, занимаемся рубкой, подъемом и переноской грузов, тащим, толкаем, плаваем* [25].

Люди шли в воде и тянули лодки за собой, я сам работал с людьми, пел вместе с ними, кричал на них и в последний момент давал

Лейтенант Пири в Никарагуа, 1885 год

им глоток джина по кругу так, что они пришли в лагерь в 6:05 вечера с криками и воплями, хотя каждый из нас был абсолютно мокрым и усталым, так как мы пробыли в воде более 10 часов ^[26].

Протяженность будущего канала сократилась на 16 миль. Менокал отозвался о работе лейтенанта Пири так: «Информация была получена главным образом благодаря неиссякаемой энергии, умению и преданности долгу инженера-строителя Пири, который при всем дискомфорте и трудностях, испытанных во время долгих дождливых дней в полевых условиях и во время многих ночей, когда лишь несколько пальмовых листьев служили укрытием, а парусиновое одеяло, брошенное на кучу пальмовых листьев – кроватью,

используя скудные рационы, не отступал никогда, если требовалось выполнить какую-либо работу»^[27].

Кампания в Никарагуа завершилась, доклад изучался в правительственных кабинетах, и у Пири снова появилось свободное время. В одном из букинистических магазинов Вашингтона он нашел брошюру Норденшёльда «Исследование внутренних районов Гренландии».

Из книги Роберта Пири:

«Струна, вибрировавшая во мне в детстве, когда я читал удивительные книги Кейна*, снова была затронута»^{[28]**}.

Скажем несколько слов об открытии Нильса Адольфа Эрика Норденшёльда в Гренландии. Шведский ученый был первым, кто проник вглубь этого огромного арктического острова. Посетив Гренландию дважды, в 1870 и 1883 годах, в первый раз Норденшёльд одолел 50 километров, второй раз – 117, причем лапландцы (по-русски лопари), сопровождавшие его, от достигнутой точки пробежали на лыжах еще 230 километров. Так, выяснилось, что внутреннюю часть страны занимает лед, а не обширные леса, как предполагали многие ученые.

Сообщение об успехе Норденшёльда, независимо друг от друга, прочли Роберт Пири и молодой норвежец Фритъоф Нансен. Реакцию Пири мы видим. Вот что написал Нансен:

«Однажды осенним вечером... я сидел и довольно равнодушно слушал, как читалась вслух газета. Вдруг мое внимание остановила телеграмма, сообщавшая о том, что Норденшёльд благополучно вернулся из своей экспедиции в глубь Гренландии, что там он не нашел никаких оазисов, а лишь бесконечные снежные пространства, где двое его лопарей обнаружили удобную для лыж поверхность и прошли за короткое время невероятно большое расстояние.

Как молния пронеслась в моем мозгу мысль: экспедиция через Гренландию от одного берега до другого на лыжах»^[29].

* Илайша Кент Кейн – американский полярный исследователь.

** Гренландские экспедиции Пири описал в двухтомнике Northward over the 'Great Ice', вышедшем в 1898 году в Нью-Йорке. Русские переводы первого тома: Пири Р. По большому льду к северу. СПб., 1906 и Пири Р. По большому льду. Северный полюс. М.: Эксмо, 2013. Далее Пири цитируется по книге 2013 года. Некоторые имена собственные и географические названия переведены иначе. В некоторых случаях перевод уточнен по первоисточнику.

Джозефина Дибич

Оба, в будущем великие арктические авторитеты, а тогда – восторженные новички, загорелись идеей пересечь ледяной щит Гренландии.

Пири взял отпуск. Нелегко было уговорить маму, но, в конце концов, она согласилась и выдала Берту в долг на поездку 500 долларов. 6 июня 1886 года Пири сошел с корабля на гренландскую землю.

Но еще до Гренландии и даже до экспедиции в Никарагуа в его жизни произошло важное событие. В классе, где лейтенант брал уроки танцев, он познакомился со своей будущей женой Джозефиной Дибич, коротко – Джо. Самые первые в жизни Пири полярные сани для транспортировки груза в Гренландии будут названы «Свитхарт»* – в честь Джо Дибич.

* Sweetheart – любимая (англ.).